
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Философия духа Гегеля в современном прочтении (размышление над книгой «Hegel's Philosophy of Spirit: A Critical Guide»)

© 2020 г. Н.А. Татаренко

*Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

E-mail: nataliya.koreneva@gmail.com

Поступила 27.05.2020

В статье осмысляются особенности гегелевской философии позднего периода, представленные в книге «Hegel's Philosophy of Spirit: A Critical Guide» под редакцией М.Ф. Быковой. Анализируются ключевые моменты философской системы Гегеля и демонстрируется, что сочетание тщательной текстологической работы и на ее основе – интерпретации философских идей, рассмотренных в контексте конкретных исторических эпох, играет важную роль при проведении исследований в области гегелеведения. Поскольку философские труды Гегеля оцениваются как весьма сложные для чтения и истолкования, а принципы построения его философской системы и развития абсолютного духа, как следствие, часто понимаются неверно, не всегда удается успешно осуществить такую задачу. Рассматриваемая коллективная монография служит удачным примером исследовательской работы, сочетающей в себе опору на авторизованные текстовые источники и обоснованные интерпретации философии Гегеля в рамках современного научного и социально-культурного знания. Собранные в ней статьи посвящены различным проблемам философии духа Гегеля, представленной, главным образом, в «Энциклопедии философских наук», и аргументированно показывают актуальность и значимость гегелевской философии в наши дни.

Ключевые слова: Гегель, идеализм, философия духа, «Феноменология духа», дух, субъективный дух, объективный дух, абсолютный дух, свобода, М.Ф. Быкова.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–12–187–197

Цитирование: *Татаренко Н.А.* Философия духа Гегеля в современном прочтении (размышление над книгой «Hegel's Philosophy of Spirit: A Critical Guide») // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 187–197.

Hegel's Philosophy of Spirit in New Sense (Reflection on the Book *Hegel's Philosophy of Spirit: A Critical Guide*)

© 2020 Natalia A. Tatarenko

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences;
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: nataliya.koreneva@gmail.com

Received 27.05.2020

The article comprehends the features of Hegel's philosophy of the late period, presented in the book "Hegel's Philosophy of Spirit: A Critical Guide" edited by M.F. Bykova. The author analyses the key points of Hegel's philosophical system and demonstrates that the combination of careful textual work and, on its basis, the interpretation of philosophical ideas considered in the context of specific historical eras, plays an important role in conducting research in the field of Hegel studies. Since the philosophical works of Hegel are assessed as very difficult for reading and interpretation, and the principles of building his philosophical system and the development of the absolute spirit, as a result, are often misunderstood, it is not always possible to successfully accomplish such a task. The reviewed collective monograph serves as a good example of research work combining reliance on authorized text sources and grounded interpretations of Hegel's philosophy within the framework of modern scientific and sociocultural knowledge. The articles collected in the book are devoted to various problems of Hegel's philosophy of the spirit, presented mainly in the "Encyclopaedia of Philosophical Sciences", and reasonably show the relevance and importance of Hegel's philosophy in our days.

Keywords: Hegel, idealism, Philosophy of Spirit, "The Phenomenology of Spirit", spirit, subjective spirit, objective spirit, absolute spirit, freedom, M.F. Bykova.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-12-187-197

Citation: Tatarenko, Natalia A. (2020) "Hegel's Philosophy of Spirit in New Sense (Reflection on the Book *Hegel's Philosophy of Spirit: A Critical Guide*)", *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2020), pp. 187-197.

Уже в конце первой трети XIX в. имя Гегеля, как одного из наиболее известных философов Германии наряду с именами Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби, стало фигурировать в исследованиях и университетских учебных пособиях по истории философии. Значительную роль в формировании представления о Гегеле как о выдающемся мыслителе и продолжателе традиции немецкого идеализма, берущей начало в философии Фихте и имеющей предпосылки своего становления в критической философии Канта¹, сыграли такие авторы, как Й. Хиллербранд, В.Г. Теннеман, Э.Х. Рейнгольд, К.М. Халибеус (см. об этом: [Демин web]). В дальнейшем укреплению философской репутации Гегеля способствовало вышедшее посмертно и в очень сжатые сроки собрание сочинений, подготовленное силами вдовы философа, его сына и круга верных учеников и почитателей, объединившихся в «Союз друзей усопшего» (*Verein von Freunden des Verewigten*), среди которых были К.Л. Михелет, Г.Г. Гото, Ф. Марейнеке, И. Шульце, Э. Ганс и другие. К сожалению, наряду с определенными достоинствами этот проект имел и ряд серьезных недостатков, которые обнаружились только в начале XX в. благодаря скрупулезной текстологической и архивной работе Георга Лассона².

Начиная с 1968 г. в гамбургском издательстве *Felix Meiner* стали выходить в свет тома историко-критического собрания сочинений Гегеля. Эта грандиозная работа, продлившаяся более сорока лет, теперь продолжается в новом формате: переиздаются студенческие конспекты гегелевских лекций по дисциплинам, преподававшимся философом в Гейдельбергском и Берлинском университетах, а также важные комментарии и добавления к ним. Именно эта часть гегелевского наследия подверглась наибольшему пересмотру, поскольку тексты лекций, написанные непосредственно рукой Гегеля, не были подготовлены им к публикации. В результате в рамках первого посмертного издания «Союза друзей» лекции были напечатаны хотя и на основании студенческих конспектов и гегелевских заметок, однако с достаточно большим количеством ошибок, неточностей и вольных интерпретаций редакторов³.

Появление критических изданий гегелевских текстов способствовало серьезному изменению в рецепции и интерпретации как творчества Гегеля в целом, так и его поздней философской системы в частности. Таким образом, о философии Гегеля сказано еще далеко не все, и предстоит немалая работа по усвоению его наследия. В то же время наряду с сугубо историко-философским и текстологическим аспектами исследований есть и другие причины непрерывного интереса к идеям Гегеля.

При изучении философских текстов существует дилемма, чему отдать приоритет: текстологическому анализу или же творческой интерпретации концепций. Одним из примеров своеобразного противостояния творческой интерпретации и точности прочтения в случае с текстами Гегеля могут служить споры вокруг тезиса о «конце искусства», который часто приписывают философу и даже рассматривают как своего рода предсказание эпохи постмодерна. Такой ход мысли, безусловно, привлекает и интригует читателя, а также рождает представление о том, что гегелевская эстетика будто бы намного опередила свое время. Но, пытаясь найти подтверждение данным выводам в текстах Гегеля, мы будем разочарованы – сам философ не говорит о «конце искусства» и не предсказывает появления абстрактной живописи⁴. Похожим образом обстоит дело и с приписываемой Гегелю идеей «конца истории», что во многом послужило отправной точкой для трудов Ф. Фукуямы [Фукуяма 2007]. Подобные нетривиальные прочтения гегелевской философии, случается, заслуживают внимания, однако по большей части демонстрируют ошибочное, а порой и противоречащее ее духу понимание. Так почему же Гегеля часто провозглашают идейным вдохновителем неординарных и вызывающих широкий резонанс концепций, которые на самом деле идут вразрез с его философской позицией? Ответ, как мне кажется, кроется в структуре и механизме построения гегелевской системы.

Именно система как способ организации философского знания представлялась Гегелю наилучшей формой для упорядочения различных научных достижений. А объединение принципа историзма и метода диалектического развития позволили ему создать масштабное полотно движения мирового духа – от простого чистого понятия до великих событий всемирно-исторического процесса. И хотя может сложиться впечатление, будто в по-гегелевски истолкованном мире все подчинено жесткой необходимости, такое представление ошибочно: главная задача и смысл развития заключаются именно в осознании духом собственной свободы. Гегелевская система – это открытая, постоянно развивающаяся, органическая, живая конструкция, пребывающая в вечной динамике и не терпящая остановки движения. Изменчивость и нестабильность, невозможность зафиксировать систему в состоянии покоя, уловить ее смысл без учета динамического способа ее существования и делают понимание гегелевской философии в целом и ее отдельных элементов столь сложными. Философский язык Гегеля порой метафоричен, часто неясен и практически всегда очень труден для понимания; темы, затронутые им, многочисленны и взаимосвязаны – для Гегеля нет отдельно стоящих вопросов. Когда перед исследователем возникает задача рассмотрения какого-либо аспекта гегелевской философии, рано или поздно он приходит к выводу, что анализ отдельных понятий и принципов вне контекста всей системы в целом попросту невозможен. Это чревато определенными рисками в реализации исследовательского проекта:

всегда есть альтернатива либо уйти в детали, упустив системный контекст, либо предаться чрезмерному обобщению, утратив связь с конкретным материалом. Но при умелом соблюдении баланса результат может быть превосходным, что и демонстрирует коллективная монография *Hegel's Philosophy of Spirit: A Critical Guide* под редакцией Марины Федоровны Быковой, вышедшая в серии *Cambridge Critical Guide* в 2019 г.

Охватить в рамках одного издания все разделы философии духа Гегеля, дать представление и толкование ее важнейших моментов таким образом, чтобы работа представляла собой научное критическое издание, отличающееся новизной и широтой рассматриваемых вопросов, без ухода в пересказ или терминологический разбор гегелевских текстов – задача непростая, требующая нестандартного подхода и творческой работы редактора.

Данная редакторская задача получила изящное решение: все эссе монографии объединяет идея того, что философия духа может быть корректно рассмотрена только в рамках гегелевской системы в целом. Как верно отмечено в предисловии, многие современники Гегеля пытались придать своей философии форму завершенной системы, однако именно ему удалось наиболее полно и последовательно воплотить это стремление. А значит, безусловно необходимо не упускать из виду определенные и естественные для Гегеля последовательности и взаимосвязи различных философских наук. Этот тезис и послужил отправным пунктом для тематического выстраивания данного издания. Каждому из трех этапов развития духа по Гегелю – субъективному, объективному и абсолютному – посвящен свой раздел монографии. При этом авторы обращаются к наиболее значимым и актуальным для современного человека проблемам гегелевской «Энциклопедии философских наук». Рассмотреть все аспекты философии духа в одной книге, разумеется, невозможно, однако в первом, как бы предварительном разделе монографии выявлены ключевые моменты гегелевского системного подхода: взаимосвязь логики, философии природы и духа, а также происхождение и смысл гегелевского понятия «дух». Данный раздел играет объединяющую и связующую роль для всех последующих текстов, демонстрируя, что попытки изучать отдельные ступени манифестации духа без помещения их в контекст всей гегелевской системы грешат тем, что при этом упускаются важнейшие причинно-следственные, диалектические связи между ее элементами.

Как отмечает М.Ф. Быкова, несмотря на общий рост объема гегелеведческих исследований, в англоязычном историко-философском пространстве все еще существует недостаток качественных работ, посвященных «Энциклопедии философских наук», и особенно ее третьей части – философии духа. Надо сказать, что утверждение о нехватке подобных работ справедливо и для отечественного гегелеведения. Среди русскоязычных изданий последних лет, близких данной монографии по тематике и манере подачи материала, стоит отметить разве что вышедшую под редакцией Н.В. Мотрошиловой в 2010 г. книгу «Феноменология духа Гегеля в контексте современного гегелеведения», приуроченную к 200-летию публикации «Феноменологии духа» и представляющую собой сборник научных статей по итогам международной конференции в Москве [Мотрошилова (ред.) 2010]. Этот сборник до сих пор остается в центре внимания специалистов, сохраняя свою ценность в качестве важного источника информации для интересующихся гегелевской философией как благодаря богатству представленного материала, так и в силу уникального международного авторского состава.

Гегелевская «Энциклопедия» в ее окончательном варианте – последнее из крупных сочинений, появившихся при жизни философа. Впервые эта работа вышла в свет еще в 1817 г., но в дальнейшем, в частности в третьем издании 1830 г., текст ее претерпел серьезные изменения. Уже ко времени первого издания Гегелем была разработана логика, которая легла в основание всей философской системы. Феноменологии же, которая, как предполагалось, станет первой ступенью проекта «Системы наук», было отведено место лишь одного из этапов развития субъективного духа, причем в значительно переработанном виде. Без учета важности гегелевского поворота к логическому обоснованию системы и осмыслению самой логики невозможно постичь

и суть всей системы. О многих нюансах науки логики применительно к системе «Энциклопедии философских наук» рассказывает Пол Реддинг, традиционно делая акцент на сближении гегелевского учения и аналитической философии. Совершенно справедливо Реддинг проводит и доказывает мысль о том, что некорректно рассматривать логику как отдельную науку, в отрыве от других частей системы. Проблема многих исследований заключается в отказе от принципа, выдвинутого самим Гегелем: «Энциклопедия» есть определенным образом организованная совокупность циклов, каждый из которых представляет собой одну из философских наук [Redding 2019, 11]. Действительно, Гегель формирует особую модель философии как циклично развивающегося учения о мышлении, где «...точка зрения, которая является, таким образом, непосредственной, должна в пределах философской науки превратить себя в результат, и именно в ее последний результат, в котором она снова достигает своего начала и возвращается в себя» [Гегель 1974, 102]. Подобная конструкция предполагает, что для полноценного понимания смысла любой категории необходимо учитывать и категорию-преемницу. Надо сказать, что Гегель до конца последователен и остается верен заявленной в начале текста методологии: на заключительных страницах, посвященных абсолютному духу, он показывает переход к логическим конструкциям в рамках философии.

Другой системообразующий элемент гегелевской философии – это, конечно же, такой концепт, как «дух». Размышляя о предпосылках формирования данного понятия у Гегеля, Майкл Форстер полемизирует с теми исследователями, которые подчеркивают при этом решающее влияние Аристотеля, Канта и Шеллинга. Форстер утверждает, что к моменту появления у Гегеля первых упоминаний о духе он не проявлял интереса к Аристотелю, а к Канту и Фихте относился с некоторой неприязнью [Forster 2019, 34–35]. С такой позицией можно, однако, поспорить: факт незначительного интереса со стороны Гегеля к кантовской философии в период обучения в Тюбингене, конечно, известен, однако совсем скоро Гегель начинает самостоятельно штудировать не только труды Канта, но и Фихте, осознавая их важную роль как в развитии современной немецкой философии, так и в формировании немецкого интеллектуального сообщества. Что касается Форстера, то он находит исток гегелевской концепции духа в трудах Гердера [Ibid., 36]. Несмотря на то, что Гегель нигде не упоминает Гердера в качестве предшественника своей концепции (а для Гегеля в принципе характерно отсутствие указаний на источник анализируемых высказываний – одним из ярких тому примеров служит манера упоминания в «Феноменологии духа» взглядов Шеллинга), Форстер обращает внимание на интересные параллели между представлениями о духе двух немецких мыслителей.

Если две первые статьи служат некоторым введением читателя в основную идею монографии – *понимание Гегелем философии как системы*, – то оставшиеся десять трагируют различные этапы гегелевской философии духа при общей установке на сочетание проблемного и историко-философского подходов. Это дает возможность более глубоко и многогранно осмыслить детали рассматриваемых здесь философских наук. Авторы сборника приглашают читателя погрузиться в скрытые, завуалированные измерения гегелевской концепции, увидеть идейную преемственность, осознать актуальность и важность гегелевской философии сегодня.

Несмотря на то, что психология является предметом последней и одноименной части субьективного духа в «Энциклопедии», вопросы психических расстройств и природы психического помешательства – словом, все то, что мы сегодня относим к сфере практической психологии – Гегель определяет как относящиеся к философско-антропологической проблематике, помещая их в раздел «Антропология». Удивительно, но, как пишет Де Лаурентиис, гегелевская классификация расстройств и их деление на помешательство, безумие и слабоумие соответствует существующей на сегодняшний день таксологии нарушений нервно-психического развития, шизофренического и биполярного спектров [De Laurentiis 2019, 98]. И действительно, примеры расстройств в том виде, как их описывает Гегель, вполне могли бы стать иллюстрациями к историям

болезни современных пациентов. Разница лишь в том, что для Гегеля некоторые из расстройств – показатель слабости духа, а не хрупкости психического здоровья. Интересен еще один момент: замечая, что некоторые расстройства вполне могут быть вылечены простым разговором о произошедших событиях, Гегель предвосхищает, таким образом, появление психотерапевтических практик. Более того, в XX в. гегелевская философия в изложении Александра Кожева станет стимулом для развития психоанализа Ж. Лакана.

Что же в таком случае Гегель понимает под психологией? Именно в этом разделе им впервые подробно исследуется понятие «свободного духа», представляющего собой единство непосредственного духа (души) и духа являющегося (сознания): «Принцип свободного духа состоит в том, чтобы *сущее* сознания полагать как *душевное*, и, наоборот, душевное превращать в объективное» [Гегель 1977, 252]. Темы, которые затрагивает здесь Гегель, соответствуют проблематике современной когнитивной психологии: память, мышление, воображение, созерцание и представление объекта и т.д. Поднимаемые Гегелем в данной части «Энциклопедии» вопросы являются сегодня центральными для аналитической философии и эпистемологии. Так, например, Маркус Габриэль отмечает нестандартный для XIX в. и актуальный для современных исследователей подход Гегеля к интерпретации восприятия, интуиции, представления [Gabriel 2019, 104–107].

Выявление преемственности философских идей всегда играет важную роль в историко-философском исследовании, но особо значимо в тех случаях, когда преемственность выражена так же ярко, как в немецкой философии XVIII–XIX вв.: восхваление и принятие основных идей Канта, но и несогласие с ним во многих важнейших пунктах – к примеру, относительно понятия *Ding an sich selbst* – позволили появиться трудам Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра. В оценке упомянутой преемственности историки немецкого классического идеализма зачастую высказывают противоположные суждения. Так, Стивен Хоулгейт писал, что идеи Гегеля представляют, скорее, радикализацию учения Канта, нежели полный отказ от него и поворот назад [Houlgate 1998, 17]. Т.И. Ойзерман, напротив, считал, что гегелевская философия во многом была «...попятным движением, возвращением к философским концепциям, которые были преодолены Кантом самым основательным образом» [Ойзерман 2008, 26]. В связи с этим интересен взгляд Кеннета Вестфала, изложенный в рассматриваемой нами книге: он предпринимает попытку реконструировать гегелевский проект развития когнитивной психологии Канта. Нить преемственности удлиняется, и в качестве исходного пункта присутствует утверждение о том, что невозможно понять замысел Гегеля без обращения к Аристотелю, поскольку Гегель преобразовывает философию познания Канта путем интеграции в нее аристотелевской теории. Обновленная таким образом психология должна, по мысли Гегеля, лучше справляться с задачами, стоящими перед практической наукой. «Умеренный холизм, касающийся взаимозависимости всего: индивидов, систем, конститутивных особенностей, природных видов, причинно-следственных связей, человеческой активности, истории и тенденций» [Westphal 2019, 70], – такое определение автор дает гегелевскому идеализму. Накопленные знания и построенные теории оформляют и структурируют сам мир, не прибавляя к нему ничего нового, но раскрывая его суть. В таком истолковании несложно увидеть отсылку к Канту, правда, с поправкой на отказ от трансцендентального идеализма. Заимствование и адаптация ряда аристотелевских представлений о душе позволили Гегелю занять позицию в списке противников редуктивного этического натурализма и сблизиться с приверженцами идей системной биологии.

Этап развития субъективного духа, как известно, сменяется у Гегеля стадией объективного духа, который движется в сторону более полного проявления себя в мире через воплощение в сферах права, морали и нравственности. Если основным сюжетом субъективного духа было индивидуальное самопознание, то в объективном духе на первый план выходят категория свободы и отношения между индивидами. Для Гегеля дух по природе своей свободен, именно в свободе заключаются его истинная

сущность и цель. Вся история – это самоосвобождение духа от чуждых ему внешних форм и приведение самовоплощения в гармоничное соответствие с собственным понятием [Гегель 1977, 25]. Это объясняет, почему философию духа Гегеля можно с полным на то основанием назвать и «философией свободы» [Krijnen 2019, 145]. По этой же причине гегелевская философия права может быть достаточно условно отнесена к сфере практической философии: рассматриваемые здесь темы хотя и имеют яркое проявление в практической деятельности человека, однако представлены в особом ракурсе. Гегелю важнее увидеть картину развития социальных процессов в целом, выявить общие закономерности и движения жизненных циклов, нежели изучить детали политической или правовой системы, а это означает, что философия права, являясь более детальным исследованием объективного духа, не может быть правильно понята вне контекста гегелевской системы.

Отдельно стоит сказать о затронутой в монографии проблеме нравственного у Гегеля. На сегодняшний день это, пожалуй, одна из наиболее перспективных и актуальных тем в гегелеведении. Сам смысл термина «Sittlichkeit» (нравственность) в системе Гегеля серьезно отличается от значения, которое мы привыкли приписывать ему. «Нравственное» не есть синоним морального и не связано напрямую с этическим контекстом. Нравственное – это то, что имеет отношение к нравам, что формировалось поколениями в рамках отдельного общества, народа, государства. Здесь раскрываются взаимоотношения индивида с другими, понимание, реализация и освобождение себя через эту взаимосвязь. Отголоски гегелевской темы нравственности можно услышать сегодня и в размышлениях о глобализации, и в вопросах национальной идентичности, и гражданской солидарности. Терри Пинкард акцентирует внимание на особенно важных и имеющих современное звучание идеях Гегеля о праве, морали, семье, государстве [Pinkard 2019, 148]. Гегелевские утверждения во многом спорны и порой неприемлемы для современного человека, однако окончательный вердикт политической теории Гегеля может вынести только суд истории.

Размышления о социальной природе человека Марины Быковой затрагивают гегелевскую концепцию «Я», которая объясняется не только заимствованной из прочтения Аристотеля идеей человека как *zōon politikon*, но и взаимосвязью индивида с конкретными культурно-историческими событиями, социальным окружением, политическими условиями, «...которые неизменно и в равной степени способствуют идентичности Я и его свободе» [Вукова 2019, 165]. В отличие от предшественников, главным образом, Фихте, «Гегель видит Я, скорее, как результат, нежели как начало» [Ibid., 167], и ставит развитие индивида в определенную зависимость от внешних условий жизни; при этом его свобода не ограничивается другими людьми – наоборот, именно через них индивид развивается и становится истинно свободным. Здесь важно упомянуть, какой смысл Гегель вкладывает в понятие свободы. Свобода – это, во-первых, свободная, разумная воля индивида, во-вторых, она всегда социально обусловлена и реализуется в социуме.

Концепция гегелевского государства воплощает в себе наивысшую возможность для совершения свободных действий, однако лежащая в его основе универсальная свобода не подразумевает ни произвола каждого отдельного индивида, ни удовлетворения желаний отдельных групп лиц, ни тем более превышения властями своих полномочий. Свобода зиждется на праве, и обязанность гарантировать его соблюдение лежит на институтах власти. Граждане же, в свою очередь, должны проявлять уважение и послушание по отношению к законам. Именно эта привычка делает государство действительно свободным. Стивен Хоулгейт, раскрывая особенности такой модели государства, объясняет, каким образом, отталкиваясь от природы понятия (Begriff), Гегель приходит к идеям конституции и разделения властей на законодательную, исполнительную и власть монарха. При этом монарх не представляет ни одну из имеющихся ветвей власти – он выполняет функцию связующего начала в государстве, обеспечивая его единство и выступая гарантом корректного взаимодействия народа и власти. Но возможно ли найти черты гегелевского государства и идеи подобного разделения

властей воплощенными в современном мире? Хоулгейт приводит в качестве примера, иллюстрирующего такую систему, британскую монархию и институт президентства в Германии [Houlgate 2019, 193] (если не придавать значения тому факту, что президент избирается Федеральным собранием). Однако наиболее спорный для современного человека момент гегелевской теории государства состоит, по мнению автора статьи, во взгляде Гегеля на институт выборов. Отрицая демократию как форму правления, в которой реализуется свобода, Гегель не приемлет форму выборов, подразумевающую участие всех граждан. Но можем ли мы, живущие в XXI в., согласиться с тем, что такое государство гарантирует свободу граждан?

Вокруг гегелевской теории государства возникало много напряженных споров. Так, Г. Геллер обнаруживал у философа явные приметы идеологии национализма [Heller 1921], а К. Поппер обвинял Гегеля в приверженности этатизму, оправдывающему подавление морали и совести, и называл «первым официальным философом пруссачества» [Поппер 1992, 38]. На взгляд современного читателя, гегелевская теория государства содержит много неоднозначных и побуждающих к дискуссии утверждений. Так, например, рассуждая о формах государственного управления, Гегель выделяет демократию, аристократию и монархию и утверждает, что каждая из этих форм есть закономерный, исторически сложившийся результат развития государства, а не предмет выбора народа. А теперь вспомним ряд событий последних десятилетий, развернувшихся на Ближнем Востоке в связи с попытками внешней демократизации некоторых государств, – действительно ли они увенчались успехом и не был ли нарушен закономерный ход истории? Сторонники и противники есть у каждого из подходов. Вдаваться в политические нюансы подобных событий – не тема настоящего размышления; важно лишь указать, что гегелевская политическая теория представляется весьма актуальной в свете политических проблем современности.

Последний раздел книги посвящен исследованию тем и сюжетов, касающихся абсолютного духа. Искусство, религия откровения и философия раскрывают духовное в его бесконечности. Сам Гегель уделяет разделу об абсолютном духе немногим более двадцати страниц, однако богатый материал по этим темам можно найти в не так давно опубликованных лекционных конспектах по соответствующим дисциплинам, преподававшимся Гегелем в Берлине. В процессе развития от искусства через религию к философии прослеживается дальнейшее и окончательное освобождение от материи и переход к сфере мышления. Если искусство еще связано с материальным воплощением и ограничено образами, а религия содержит элемент субъективности и конечности, то философия имеет дело с логическими объектами, возвращаясь, таким образом, к своему истоку – к сфере логики.

Размышления о том, почему кульминационные этапы и стадии в «Феноменологии духа», «Науке логики» и «Энциклопедии» имеют предикат «абсолютный» («абсолютное знание», «абсолютная идея», «абсолютный дух»), представляют содержание эссе Ангелики Нуццо. Абсолютное для Гегеля – это не просто результат деятельности разума, лежащий в области безусловного, но не имеющий финальной, познаваемой точки движения, а результат, процесс саморазвития и даже цель. Поэтому абсолютное является неким финальным аккордом и может выступать лишь в форме предиката, но никак не субъекта, как это присутствует в философии Шеллинга [Nuzzo 2019, 214].

В последние десятилетия одной из наиболее популярных тем в западном гегелеведении (чего не скажешь о гегелеведении отечественном) является эстетика. Недавно изданные конспекты лекций по философии искусства поднимают важный вопрос: как происходило развитие гегелевских взглядов в этой сфере? Частично ответ на данный вопрос можно получить и при сопоставлении разных изданий «Энциклопедии философских наук». С точки зрения Аллена Спейта, для Гегеля основной вопрос об искусстве – это вопрос об обосновании его принадлежности, наряду с религией и философией, к сфере абсолютного духа [Speight 2019, 226]. Вопреки устоявшейся традиции обращаться при исследовании философии искусства Гегеля, главным образом, к текстам берлинского периода, Спейт предлагает учитывать также работы йенского и гейдельбергского

периодов, в которых искусству еще не было отведено отдельное место в структуре развития духа: оно представляло собой один из моментов развития религии.

Говоря о других темах, вызывающих сегодня оживленные споры среди специалистов по эстетике, нельзя не упомянуть дискуссии вокруг гегелевского утверждения о том, что изящные искусства имеют будущее лишь в религии. Одна из известных трактовок так называемого «конца искусства» принадлежит А. Данто, который говорит о наступлении новой эры в истории искусства, где творческая свобода достигает невысказанных ранее масштабов. Другое толкование гегелевских слов о завершении искусства предлагает, например, А. Гетманн-Зиферт. По ее словам, «конец искусства» означает лишь смену его культурно-исторической функции [Gethmann-Siefert 1994].

Заключительное эссе как раздела, так и всего сборника посвящено рассмотрению религии откровения, представленной во второй части «Лекций по философии религии». Роберт Вильямс, анализируя особенности и функции греческой и еврейской религий, показывает, что христианство, по Гегелю, объединило в себе черты конечности и антропоморфизма греческого культа с принципом единобожия и бесконечности иудейского верования. Через освобождение от свойственных этим религиям ограничений дух достиг единства истинного бесконечного и конечного, или пантеизма [Williams 2019, 259].

Что же касается гегелевского изложения религии в тексте «Энциклопедии», то оно, в отличие от «Лекций по философии религии», формально ограничивается рассмотрением религии откровения. Содержательно же религия для Гегеля является самой сутью абсолютного духа на всех его этапах раскрытия: от искусства до философии. Существуют и другие интерпретации, говорящие о том, что «...гегелевская “Энциклопедия философских наук” представляет собой определенным образом истолкованный христианский теологический нарратив», где логика, философия природы и философия духа являются собой Царства Отца, Сына и Св. Духа [Чепурин 2012, 108–109]. Вообще вопрос о том, можно ли рассматривать философию Гегеля вне религиозного контекста, крайне интересен и заслуживает отдельного изложения. Несомненно, темы сопоставления религий, личности Христа и принципов истинной религии, а также стремление к Абсолютному пронизывают всю гегелевскую философию, начиная с ее самых ранних форм, однако, как убедительно показали работы Н.В. Мотрошиловой, рассмотрение позиции философа возможно и без отсылки к его личным религиозным мотивам.

Текущий 2020 г. является в некотором роде удачным временем для того, чтобы взглянуть на гегелевскую систему с позиций современной науки и попытаться ответить на вопрос, насколько эти идеи актуальны в наши дни: 27 августа исполнилось 250 лет со дня рождения великого философа. И, как и любой важный временной рубеж, этот юбилей побуждает пристальнее взглянуть в идейное наследие великого философа, по-новому осмыслить отдельные темы и, возможно, осуществить очередную переоценку его идей с позиции современности.

Примечания

¹ О путях становления немецкого идеализма и его различных направлений, а также о смысле понятия «идеализм» см.: Быкова М.Ф. О философском проекте немецкого идеализма [Быкова 2012, 242–267].

² Подробнее об истории издания сочинений Гегеля, об особенностях его первого посмертного собрания сочинений и нового историко-критического издания см.: Плотников Н. Дух и буква. К истории изданий Гегеля [Плотников 1995 web].

³ Однако на эту ситуацию можно посмотреть иначе. Так, некоторые гегелеведы высказывают мнение, что именно благодаря работе первых редакторов мы получили первые интерпретации зрелой философской системы Гегеля. Такой позиции придерживается, к примеру, Бригит Хилмер в отношении редакторской работы Г.Г. Гото, подготовившего к первому изданию гегелевские лекции по эстетике (см.: Hilmer B. Scheinen des Begriffs [Hilmer 1997]).

⁴ О выявлении взаимосвязи между гегелевской эстетикой и современным искусством, а также об искусстве после «конца искусства» писали, в частности, А. Данто и Р. Пиппин (см., например: [Danto 1998; Pippin 2014] и др).

Источники и переводы – Primary Sources in Russian Translation

- Гегель 1974 – Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974 (Hegel, Georg W.F., *Enzyklopädie der Philosophischen Wissenschaften*, Vol. 1, Russian Translation 1974).
- Гегель 1977 – Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1977 (Hegel, Georg W.F., *Enzyklopädie der Philosophischen Wissenschaften*, Vol. 3, Russian Translation 1977).
- Поппер 1992 – Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Культурная инициатива, 1992 (Popper, Karl R. *The open society and its enemies*. Vol. 2. *The high tide of prophecy: Hegel, Marx and the aftermath*, Russian Translation 1992).

Ссылки – References in Russian

- Быкова 2012 – Быкова М.Ф. О философском проекте немецкого идеализма // Историко-философский ежегодник 2011. М., 2012. С. 242–267.
- Демин web – Демин М. Как Гегель вышел в классики: к исследованию канона немецкого идеализма // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2015. № 1. URL: http://southpole.sfedu.ru/sites/default/files/Yuzhny_polyus_1_0.pdf
- Мотрошилова (ред.) 2010 – «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелевдения / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М.: Канон-1, РООИ «Реабилитация», 2010.
- Ойзерман 2008 – Ойзерман Т.И. Кант и Гегель (опыт сравнительного исследования). М.: Канон+, 2008.
- Плотников web – Плотников Н. Дух и буква. К истории изданий Гегеля // Путь. 1995. № 7. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/098/363/1223/Plotnikov_Duh_i_bukva.pdf
- Чепурин 2012 – Чепурин К.В. Антропология, христология и эсхатология Гегеля: современный взгляд // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2012. Вып. 2 (40). С. 95–110.

References

- Bykova, Marina F. (2019) “On Hegel’s Account of Selfhood and Human Sociality”, Bykova, Marina F. (ed.), *Hegel’s Philosophy of Spirit*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 164–185.
- Bykova, Marina F. (2012) “On the Philosophical Project of German Idealism”, *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2011*, pp. 242–267 (in Russian).
- Chepurin, Kirill V. (2012) “Hegel’s Anthropology, Christology, and Eschatology: a Contemporary View”, *Vestnik PSTGU 1: Bogoslovie. Filosofii*, Iss. 2 (40), pp. 95–110 (in Russian).
- Danto, Arthur C. (1998) *After the end of art. Contemporary art and the pale of history*, Princeton University Press, Princeton.
- De Laurentiis, Allegra (2019) “Derangements of Soul”, Bykova, Marina F. (ed.), *Hegel’s Philosophy of Spirit*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 85–105.
- Demin, Maxim (2015) “How Hegel became the classics: a study of the canon of German idealism”, *Yuzhny polus. Issledovaniya po istorii sovremennoy zapadnoy filosofii*, Vol. 1, URL: http://southpole.sfedu.ru/sites/default/files/Yuzhny_polyus_1_0.pdf (in Russian).
- Forster, Michael N. (2019) “The Origin and Character of Hegel’s Concept of Geist”, Bykova, Marina F. (ed.), *Hegel’s Philosophy of Spirit*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 29–54.
- Gabriel, Markus (2019) “Hegel’s Account of Perceptual Experience in His Philosophy of Subjective Spirit”, Bykova, Marina F. (ed.), *Hegel’s Philosophy of Spirit*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 104–123.
- Gethmann-Siefert, Annemarie (1994) “Ist die Kunst tot und zu Ende? Überlegungen zu Hegels Ästhetik“, *Jenaer philosophische Vorträge und Studien*, 7, Palm & Enke, Jena, Erlangen.
- Heller, Hermann (1921) *Hegel und der nationale Machtstaatsgedanke in Deutschland*, Verlag U. Druck von B.G. Teubner, Leipzig, Berlin.
- Hilmer, Brigitte (1997) *Scheinen des Begriffs. Hegels Logik der Kunst*, Felix Meiner, Hamburg.
- Houlgate, Stephen (1998) “General Introduction”, Houlgate, Stephen (ed.), *The Hegel Reader*, Blackwell Publishing, pp. 1–21.
- Houlgate, Stephen (2019) “Hegel’s Idea of the State”, Bykova, Marina F. (ed.), *Hegel’s Philosophy of Spirit*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 186–204.
- Krijnen, Christian (2019) “The Idea of a Speculative Philosophy of Objective Spirit”, Bykova, Marina F. (ed.), *Hegel’s Philosophy of Spirit*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 127–146.
- Motroshilova, Nelli V. (ed.) (2010) “*Phenomenology of the spirit*” of Hegel in the context of modern Hegelian studies, Kanon-1, ROOI “Reabilitatsiia”, Moscow (in Russian).
- Nuzzo, Angelika (2019) “The ‘Absoluteness’ of Hegel’s Absolute Spirit”, Bykova, Marina F. (ed.), *Hegel’s Philosophy of Spirit*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 207–224.

Oizerman, Teodor I. (2005) *Kant and Hegel (comparative research experience)*, Kanon+, Moscow (in Russian).

Pinkard, Terry (2019) “Objective Spirit: The Pulse of Self-Consciousness”, Bykova, Marina F. (ed.), *Hegel’s Philosophy of Spirit*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 147–163.

Pippin, Robert B. (2014) *After the beautiful: Hegel and the philosophy of pictorial modernism*, University of Chicago Press, Chicago.

Plotnikov, Nikolai (1995) web “Spirit and Letter. On the History of Hegel’s Edition”, *Put’*, Vol. 7, URL: http://ecsocman.hse.ru/data/098/363/1223/Plotnikov_Duh_i_bukva.pdf

Redding, Paul (2019) “The Logic of Hegel’s Encyclopaedia Philosophy of Spirit”, Bykova, Marina F. (ed.), *Hegel’s Philosophy of Spirit*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 11–28.

Speight, Allen (2019) “Art as a Mode of Absolute Spirit: The Development and Significance of Hegel’s Encyclopaedia Account of the Philosophy of Art”, Bykova, Marina F. (ed.), *Hegel’s Philosophy of Spirit*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 225–242.

Westphal, Kenneth R. (2019) “Hegel’s Critique of Theoretical Spirit: Kant’s Functionalist Cognitive Psychology in Context”, Bykova, Marina F. (ed.), *Hegel’s Philosophy of Spirit*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 57–82.

Williams, Robert R. (2019) “Art, Logic, and the Human Presence of Spirit in Hegel’s Philosophy of Absolute Spirit”, Bykova, Marina F. (ed.), *Hegel’s Philosophy of Spirit*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 243–266.

Сведения об авторе

ТАТАРЕНКО Наталия Анатольевна –
кандидат философских наук,
научный сотрудник Института философии
Российской академии наук.

Author’s Information

TATARENKO Natalia A. –
CSc in in Philosophy, research fellow
of the Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences.